

Собирание народного творчества, в частности, рабочего, у нас на Урале в зачаточном состоянии. Однако, те, кто этим занимается, начинают жаловаться, что упущено время. Надо торопиться с записями, потому что собирателям уже теперь часто говорят, что если бы они пришли лет пятнадцать назад, то многое бы услышали, а сейчас те старики, что сказывали сказы, умерли. Это звучит трагически.

«Институт заводских стариков», если можно так выразиться, представляет собой особую группу. Ведь, кто эти заводские старики? Это не просто люди 60–70 лет, это, прежде всего, люди, проработавшие 25–30 лет в заводе и превратившиеся в инвалидов. На посессионных заводах в восточной части Урала им, по положению, обязаны были подыскивать какую-то работу. И этим «изробленным», как называют их в сказах, людям давали должности караульчиков, кладовщиков, кордончиков. Когда вы, приходя на любой завод, заходите к кордонщику, то встречаете там старика, который или работал в домне, или был литейщиком. Он имеет огромный опыт по своей области, и теперь, будучи «изробленным», может этот опыт оценить по-своему, рассказать о нем. приходите на плотину, там есть караульщик, тоже бывший заводской рабочий. Эти старики представляют большую ценность для фольклористов.

Урал в отношении фольклора представляет редчайшее место. Здесь имеется не только многонациональное сочетание, но и сочетание самых разнообразных профессий. В этом особенность. У Демидовых, например, имевших много заводов на Урале, были имения в Черниговской, Орловской, Полтавской и других губерниях, и часть рабочих пришла на Урал оттуда. Каждая группа принесла на Урал свои обычаи, свой опыт и свой фольклор. Смешение происходило и в языке.

Возьмем, к примеру, Верхотурье. Это один из пунктов, который очень однороден. Казалось бы, там не могло быть никаких больших отступлений от северного говора, а между тем, если посмотреть словарь Верхотурья, мы увидим, что там землянику называют журовикой, а красную смородину – кнатцей. Оказывается, колонизационная волна выбросила туда какую-то часть людей из Литвы и Украины и это внесло особенность в лексику города.

Профессии рабочих уральских заводов также были гораздо разнообразнее по сравнению с профессиями других мест, имеют и свою поэтику.

Горняки наших дней имеют перед собой карту, заранее знают все пути. В прошлом же они могли располагать лишь частично такими признаками, которые могли соответствовать действительности, чаще же всего оперировали выдумкой. Вера в эту выдумку укрепилась. Поэтому всякий первый добытчик, открыватель рудника или прииска как-то всегда связывался с тайной, и поэтому естественно, что у горняков, у рудознатцев, тайна преобладала в большей степени, чем, например, у доменщиков или углежогов. У рабочих прокатных цехов в значительной степени звучал культ силы кричного подмастерья или могучего забойщика. Люди не умели формулировать, в чем заключается этот культ, но они чувствовали, почему у одного удается

лучше, чем у другого, а иной и вовсе выделяется из среды всех остальных, и это уже настоящий легендарный мастер. Это способствовало широкому развитию фольклорных отложений. Содействовало этому и сближение, которое у уральцев называется бытовым.

Например, стоят рядом два завода: Первоуральский и Билимбай. Оба в прошлом железоделательные, между тем один бывший демидовский, другой – бывший строгановский. В этом огромное их различие, потому что быт посессионных заводов существенно отличался друг от друга. К этому приходилось добавить, что в Первоуральском заводе были сплошь поселенцы из Калуги и Тулы, билимбаевцы же были выходцами с севера.

Другой пример. Турчаниновские рабочие, переселенцы с севера, занимались медным, горным делом, а жители завода Мрамора, переселенцы из Петроградской области, занимались исключительно камнем. При близком расстоянии этих заводов естественно фольклорное и стилевое смыкание.

Многие из рабочих сказов, по крайней мере тех, которые мне пришлось оформить, - в своих дальнейших выводах изумляют. Когда, например, писался сказ «Медной горы хозяйка», я прекрасно представил себе Красногорский забытый рудничок, каких на Урале сотни. В сказе же хозяйка подводит Степана к подземной пещере и говорит – это самое дорогое место после Гумешек. Это мне казалось несообразностью. Гумешки – богатейшее по разнообразию минералов месторождение – знает весь минералогический мир, а о Красногорском руднике в научной литературе ничего не сказано. Между тем, в фольклоре это место, после Гумешек, называется самым дорогим.

Потом уже узнал, что в Красногорском руднике началась разработка золотой жилы. Значит, сказания горняков, несмотря на то, что они часто бывали основаны на примерах случайных, имеют под собой реальную почву.

Институт заводских стариков уходит, но это не значит, что все потеряно. При желании по сбору фольклора можно сделать очень многое, и эта работа интересна, требует чутья, умения правильно записать сказ.

Для меня, как литератора, паспортизация и самое содержание отдельных преданий не так важно. Рассказ ценен в том случае, если занимает определенное место в той или другой теме. Писатель должен идти именно по этому пути, не останавливаясь, на документации. Иначе мы можем собрать очень много кратких рабочих преданий, которые с точки зрения фольклорно-научной имеют огромную ценность, но с точки зрения литературной подачи не представляют большого интереса, будучи бессюжетными.

Уральскому фольклору не больше 200–300 лет. Он еще не отложился в четкой форме, поэтому каждое предание может звучать неполно. Занимаясь вопросами собирания материалов о немцах на Урале, я спрашивал горщиков, не слыхали ли здесь про старинных немцев? Один

говорит – «я слышал, что был такой, все заводы схамкал», а другой говорит «ползавода слопал». И все, но это нить для поисков.

Есть заводские старики – это сплошные «слышки». Они много знают, много слышали и оценивают все по-своему. Часто эта оценка бывает противоречива. Их рассказы нужно воспринимать критически. Но это основа. Во всяком случае я стараюсь по возможности с большим уважением относиться к этим основным творцам – к уральским рабочим. И трудность заключается в том, что язык, которым говорили наши деды и прадеды, не так легок для человека, который уже привык к бытовому литературному выражению мыслей. С этой трудностью иногда бьешься долго, стремясь найти одно какое-то слово, чтобы не перехлестнуть в излишество и не допустить ошибки в обратную сторону. Из языка наших дедов и прадедов мы должны выбросить фонетические неправильности, но взять самое ценное, самое дорогое. Призывая к собиранию рабочего фольклора, считаю нужным указать, что в фольклорном материале содержится очень много ценных практических указаний на различные методы труда, на богатства, содержащиеся в земельных недрах, и т. д. этими указаниями никак нельзя пренебрегать.

Считаю нужным предупредить, что отбор зерен народного творчества дело довольно трудное. Самое направление рабочих преданий иногда представляет собой большое разнообразие. И дело собирателя – догадаться, какое предание, какое слово больше соответствует рабочему понимаю, не противоречит действительности и ценно в художественном отношении. Это особенно важно сейчас, в дни суровых испытаний, когда поднялись на огромную высоту качества человека, с сильной волей и мужеством, горячей любовью к труду, к своей родине, к своей культуре.